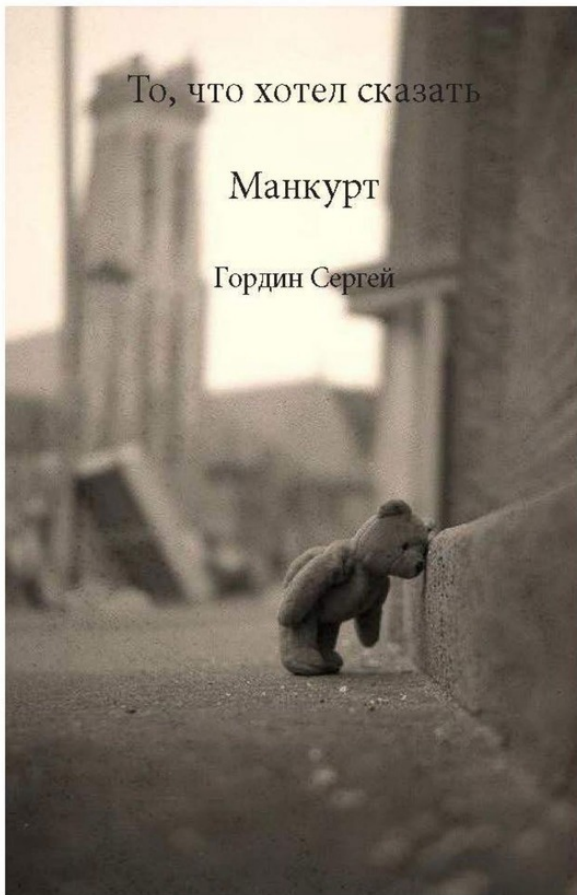

То, что хотел сказать

Манкурт

Гордин Сергей

Сергей Гордин

То, что хотел сказать манкурт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67777035

ISBN 9785005661678

Аннотация

Правда ли: стоит иногда задуматься над тем, что вокруг нас, куда идем и к чему стремимся? в этой книге нет громких или пафосных фраз. Тут только те эмоции и переживания, которые испытывал ты сам. Тот мир – богатый внутренний мир, который сосредоточен в тебе.

Содержание

ПРОЛОГ	9
ШАРТЕР I	12
ИНТЕРЛЮДИЯ I	19
ШАРТЕР II	21
ИНТЕРЛЮДИЯ II	26
ШАРТЕР III	28
ИНТЕРЛЮДИЯ III	33
СОН ПЕРЕД ПОЕЗДКОЙ	35
ШАРТЕР IV	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

То, что хотел сказать манкурт

Сергей Гордин

© Сергей Гордин, 2022

ISBN 978-5-0056-6167-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

То, что хотел сказать Манкурт

Тяжело бывает сделать выбор. Можно представить наше сознание как бесконечный коридор с тысячами дверей, по которому мы идем. В этом коридоре двери все абсолютно разные: большие и маленькие, амбарные и хлипкие, которые висят на честном слове, громоздкие, как вход в замок, или круглые, такие как в Шире, из дерева или металла, монументальные и не очень, с тяжелыми на-весными замками и с простым китайским замочком. Мы мечемся среди них, дергая за ручки, пытаемся снести этих створчатых монстров. Но они все закрыты. Тогда мы хватаем подручные инструменты и начинаем их взламывать: трещат дверки, петли жалостно стонут под натиском наших потуг, нервничаем и истерим напрасно, забывая о том, что все это время ключ от всех дверей зажат у нас в руке. Просто. Зажат. У нас. В руке.

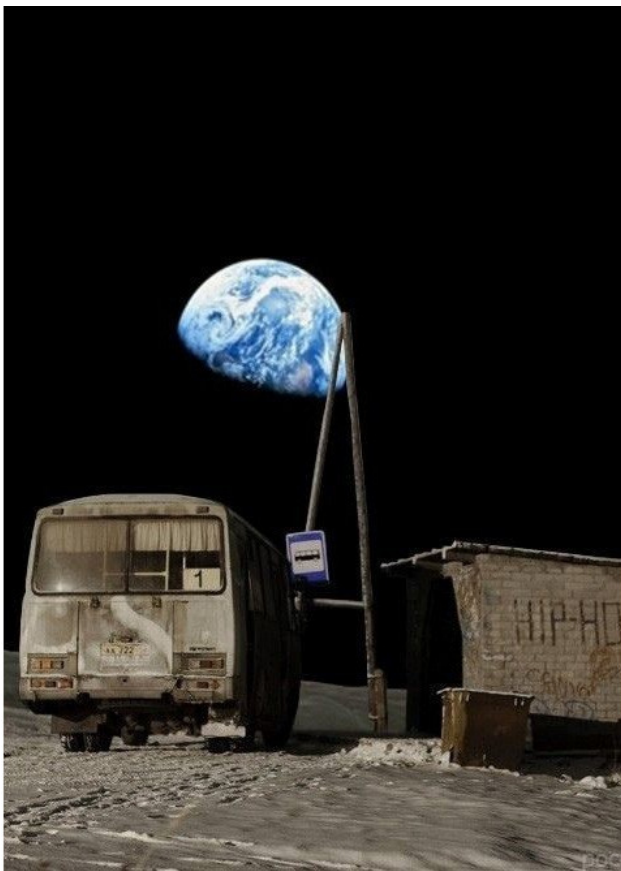
Хочу выразить огромную благодарность двум очень хорошим и близким мне людям, без которых я бы не смог осуществить то, что давно задумал:

Светлячок спасибо за то, что показала мне как можно улыбаться всему тому, что происходит вокруг, что, несмотря ни на что во всем найти позитив, найти силы радоваться этому миру, хотя порой он бывает очень груб.

Анюта спасибо огромное за жизненный пример в том, что разбившись на тысячи кусочков можно снова себя собрать – новым и окрыленным.

Спасибо Вам огромное

«И убегает мой мир Убегает земля
Бежит далеко-далеко Куда-то далеко-далеко»
Гражданская оборона

ЛУННЫЙ ПОЛУСТАНОК

ПРОЛОГ

Вечер на темном полустанке играл звуками и красками запахов. Где-то вдали затянула песню иволга, видимо недалеко есть распадок с небольшим озерцом или ключ, который, как настоящий трудяга, день ото дня пробивался на поверхность, подтачивая залежи известняка и лёссовидной глины, чтобы вынести на поверхность свои холодные спасительные воды.

Полустанок был обыкновенным. Когда-то давно по этой ветке ходил поезд, здесь была остановка для дозаправки водой и углем, но время шло, машины развивались и об этом полустанке стали забывать, как, впрочем, и обо всем, что здесь было. Вечер потихоньку уступал в правах ночи. В тишине ночи горит одинокий фонарь, мерно покачивающийся от дуновения ветра. И белый луч, также ритмично покачиваясь, освещал новое пространство. В его свете, словно купаясь, в такт кружила мошкара, также спеша за этим кусочком жизни. Степь жила своей жизнью, а полустанок

– своей. Самым главным был здесь луч этого света – желтый, теплый, со старым плафоном, с давно несмазанными петлями, которые ритмично скрипели сочленениями.

В течение ночи посетителями этого света становится не только мошкара, но и пролетающие мимо летучие мыши, которые на короткий миг выхватывают из света его ма-

ленький кусочек, унося с собой. Одна из них облюбовала арку крепления старого светильника с металлическим колпаком и повисла на нем, наблюдая за смешной возней мошкеры. Это было ее излюбленное место охоты. Вот летит новая жертва – мотылек, ударившись об лампу «Ильича» и поймавшись, начинает падать на землю. Увидев это, ночной завсегдатай, спикировав, выхватывает из раструба света очередную жертву и, вернувшись на место, начинает упоенно нажёвывать мотылька, разгрызая его хитиновое тельце.

В его свете цикады поют любовные песни, привлекая противоположный пол к полночным романсам вдвоем. В этот миг жизнь замирает, и кажется, ничего здесь уже не изменится. Отсюда ушел человек, оставив оборудование, место, материалы, запчасти для текущего содержания. Иногда, когда со степи дует порывистый

ветер, раскачивая старый плафон, круг света успевает лишь на мгновение выхватить случайно или нарочно брошенный костыль путевого обходчика, которого время уже не помнит. Инструмент уже начал вращаться в траву, становясь незамысловатым пейзажем брошенного полустанка. Трава, поедая полотно за полотном, становится здесь полноправным хозяином, осваивая владения и посылая свои семена все дальше, как разведчиков, иногда инспектируя своими бутонами – головами: как идут дела с захватом новой территории. Да, люди ушли отсюда. Перестали ходить поезда на этот запасной путь, поэтому работника этого инженерно-

го сооружения просто отправили на пенсию. Его домик отдыха – наливная станция с ручной помпой – остался ждать следующего хозяина.

Эта ночь не была обычной. Этой ночью произошло горе – электромонтёр, проводя работы на старой подстанции, обнаружил неучтенное подключение и, согласно производственных инструкций, сделал отключение с разбором управляющей цепи.

Погас свет. Мошкара, играющая с ним, потеряв интерес к происходящему, улетела по своим важным мошкариным делам. Цикады перестали петь любовные романсы, непрерывно размашисто хлопая перепончатыми крыльями, взлетели с полустанка и, невзирая на законы Дарвина, сместились дальше в степь. Мотылек, непривлекаемый светом от лампы, стал здесь нечастым гостем, а летучая мышь начала охотиться у распадка, где иволга поет грустную песню, прощаясь с солнцем.

CHAPTER I

Это было обыкновенное утро, обычное начало дня: будильник, дикий звон механического монстра, отключаемый только силой воли и ватной рукой. Ванна, до которой нужно еще дойти, перекошенная физиономия, смотрящая с прищуром прямо на тебя, и что? Это я? Кухня: чайник, зажжённая конфорка или электрический нагреватель любого назначения и любой модификации, и, конечно же, попытка себя разбудить или хотя бы взбодрить глотком кофе, зачастую провальная. Потом нехватка времени при сборах на работу: одежда, наброшенная впопыхах, кофе, который обжигает губы, но бодрит, или

попытка в ускоренном темпе нанести макияж. А потом выход из дома и, конечно же, возвращение, так как забыл телефон на тумбочке в прихожей. Потом такси, автобус или трамвай, метро или иной вид общественного транспорта, а быть может собственная машина, где начинаешь разговаривать по телефону, писать смс—ки, читать электронные письма и изучать социальные сети, которые интересуют больше собственной жизни. И да, тебе тоже хочется чем-то поделиться, а по возможности – похвастаться.

Сочинение небылиц о себе начинается в раннем детстве. На извечный вопрос мамы: кто разбил любимую люстру футбольным мячом, мы начинаем придумывать как это произо-

шло, или что Петька из третьего подъезда попросил похранить пачку сигарет у меня в кармане, иначе мамка его при-бьет!

– А почему от тебя пахнет алкоголем?

– Не расстраивайся, мама, я переночую у друга, все будет хорошо.

– Ты точно, на войну не собираешься, ты меня не обманываешь?

– Да нет, мама, простое воспаление, хирург вырезал его, и все, руки, ноги на месте...

А после дембеля ты приезжаешь домой с наградами, отдав долг родине, да именно родине, а не государству, ведь родина и государство – это разные слова, имеющие разные значения, ведь государству должен только ты, но не оно тебе. А родине? Родине сколько не отдавай долг, все-равно не расплатиться, потому что она рядом с тобой везде: во дворе, где ты вырос, в детском саду, где вы с другом Петькой зимой катались с крыши веранды прямо в сугроб, иногда увеличивая его, а потом вам обоим выкручивал уши сторож; это там, где на скамеечке возле фонтана после прогулки, ты в первый раз поцеловал ее: робко, неумело, но так незабываемо; это там, где после купания в начале мая, ты ищешь гараж потеплее, чтобы прижаться к нему и согреться после холодной воды; это там, где выброшенные живые, но уже облупившиеся елки были собраны по всему двору, чтобы сделать одну большую ледянку, и скатиться с крутой горки всей пацанской гурьбой.

Вот она – РОДИНА.

Как уже было начато: было обыкновенное утро. Вагон метро

ритмично покачивался при смене сегментов рельс. Его приятное и убаюкивающее покачивание не сбивало, а наоборот, усиливало дрему. Но верный спутник во всем – телефон – был с собой. Он сейчас заменил почти все: аудио плеер, видео плеер, телефон, игровую приставку, портативный компьютер и потихоньку заменяет человека, точнее человеческое общение, приводя общество к каменному веку с его общинным строем, где охрой, выдуваемой изо рта на руку, рисовали смайлики (наскальную живопись).

Рядом сел мужчина со стойким алкогольным амбре, со щетиной далеко не одного дня, но еще и не так называемой

«французской грязи»:

– Это электричка едет до новой станции?

Немного смутившись вопроса, оторвавшись от очередной серии какого-то сериала, отвечаю: «Да, по крайней мере, так было написано на двери».

Пробурчав, что-то невразумительное, и как мне показалось, непечатное, он завалился спать, распространяя весенний аромат, видимо, с утра опохмелялся дарами Кубани – порошковое вино, как инвайт или юпи (просто добавь воды): в данном случае этилового спирта. При этом описании подошел бы смайлик с улыбкой или чертик, но непременно

но с улыбкой. Я не стал ему говорить, что на прошлой неделе читал пост одного известного блоггера (чудака с большой буквы М), который описывал этот маршрут.

Который день, украденной от жизни, Я провожу у запертой двери...

А вот и моя остановка. Потом 10 минут на маршрутке, и я в офисе. Как вы уже поняли, моя работа связана с большим количеством компьютерной техники, программ и всего, что современные политики называют ИТ технологии. Странно, они все время разговаривают о будущем, но не строят многотысячные кружки «юных техников» и прочее, а отдают это на откуп коммерсанту, забывая, что коммерсант никогда не думает о завтрашнем дне, ему нужно здесь и сейчас, а те кто, много думал о завтрашнем дне, живут, как все настоящие русские, в Англии.

Вы не поверите, но и здесь я бы поставил смайлик задумчивого кружка.

Стеклянная дверь открылась плавно, как и все в этом здании. У шефа был пунктик на этот счет. Он любил плавность и ритмичность. Это он почерпнул, побывав в Японии и пообщавшись с одним из сэнсеев системы «кайзен». Хотя, как говорят старожилы, которые помнят его по лихим 90-ым, когда современные бизнесмены формировали свой капитал. Тогда его звали Леха-кирпич. Почему именно так? Тут очень запутанная история, то ли он начинал с того, что отжал разваливающийся тогда кирпичный завод, то ли когда он стригся под

современную по тем временам прическу, выглядел как кирпич, и присказка у него была постоянная «сделал морду кирпичом и вперед». Здесь нужно ставить долго улыбающийся кружок со слезами от смеха. Тогда он мог, приехав на завод или в офис, спокойно размахивать пистолетом или при всех ударить генерального директора. А сейчас? Сейчас это уважаемый человек – Алексей Эдуардович Крюков. Прошу любить и жаловать.

Пройдя пост охраны, и поздоровавшись с другом детства Петей, прохожу к себе. Кто такой «мой друг Петя»? Это тот, с кем мы постоянно шалили и покрывали друг друга, это тот, с кем вместе ушли в срочку, и с которым во время первой чеченской во- евали, с кем записались в контрабасы – службу по контракту, а за- тем, после ранения, я ушел учиться. Понял, что мне этого боль- ше не надо, а он? Он остался и подписал второй контракт, прошел вторую компанию. И вот здесь наши пути разошлись: он после окончания второй компании, причем ни разу не получив ранения, что всех удивляло, устроился в охранное агентство и теперь там на хорошем счету, а я пошел в студенты и получил образование. Наш ротный всегда говорил «свято тело – пусто не бывает» и смеялся над своей шуткой как угорелый, жалко погиб в том доме. Их зажали с молодыми ребятами, ничего не умеющими и незнающими. Чья- то ошибка, чей-то просчет, а может предательство. Толком тогда никто не расследовал, но между собой разговоры велись, что банду пропустили мимо себя

два солдата-срочника, которых умное начальство оставило на посту на стратегическом направлении, дав им

по рожку патронов и пообещав, что наши придут на помощь. Они и сплеховали, побоявшись, да и кто в их случае не испугается.

Когда мы пришли на помощь своим ребятам, не могли поверить глазам. Изнасилованный реальностью разум отказывался принимать ужасающую картину всю разом, а только отдельными сегментами. Тем, кто был ранен, но не умер, отрезали мужские органы, а потом долго резали полосками, на лоскутки. Немая сцена – кровавый ужас такой расправы. Словами не передать удушающий запах крови и содержимого человеческого кишечника. У многих были отрезаны головы, уши, разбиты колени, пальцы. Зачем отрезать мужской орган? Вы не поверите, но по Корану мужчина без члена в рай не попадет. Почему? Считается, что бог не может определить половую принадлежность человека, поэтому не пускает в рай. Сейчас кто-нибудь, прочитав эти строки, назовет меня женоненавистником и сексистом, но это не так. Да, и тогда, и сейчас во многих религиях женщина не может попасть в рай, потому что она грешна от рождения и не имеет души. Это только потом душа у нее каким-то чудесным образом появилась. Здесь уместен немного румяный, закрывающий свой смех ладошкой, смайлик. Наверное, я открою великую тайну, но основные религии вышли из одной палатки Авраамовой. Да-да. В них много общего, например: все

молятся на восток.

После того, как старшие товарищи объяснили, зачем это было сделано, нас как будто подменили. Мы, догнав их, зажали в ущелье, из которого было не выйти. Боевики, обдолбанные наркотой, погибли, а более сообразительные, вольный ичкерский народ, решили сдаться. В конечном итоге, в результате операции никто из них в рай не попал и никто не сдался добровольно. Вы спросите: имели ли мы право мстить? А имели ли они право резать молодых восемнадцатилетних пацанов, которыми закрывало дыры государство? Имели ли они право устраивать геноцид русским людям? Нет! Они резали всех подряд: от мала до велика, а про молодых девушек даже страшно говорить. А вы знаете, почему в Турции вновь появлялись невольничьи рынки, на которых так высоко ценят славянок? Как думаете: кто был убийцей? Сосед, вчера жавший тебе руку и говоривший: «**Ас-саляму алэйкум**», что

переводится как «**Мир вам или мир вашему дому**». Вот тебе и мир...

ИНТЕРЛЮДИЯ I

Иволга всегда охотилась в этом распадке, рядом с озерцом. Здесь были самые крупные и вкусные насекомые, не было хищника, поэтому птенцы, вставшие на крыло, быстрее набирали форму и покидали родительский дом.

Она свила гнездо на коньке брошенной деревянной диспетчерской. В правом углу крыши из-за сильного ветра образовалась дыра, в которую юркая красивая птица пробиралась, чтобы кормить птенцов. И откуда впоследствии скидывала детей в первый полет.

Она сюда возвращалась из года в год, чтобы вывести потомство. Хорошо помнила сухие, но сильные руки путевого обходчика, выхаживавшие маленькую потерявшуюся птичку, как ни странно, птичка выжила, нарушив все законы орнитологии. Но сегодня было как-то не так, что-то вызывало постоянное беспокойство. Птенцы накормлены, спят, уткнувшись под теплое мамино крыло.

А ветер, разыгравшись, стал сильнее задирать полусгнивший рубероид. Обитатели этого небольшого домика, искавшие в нем спасение и приют на ночь, ощущали беспокойство. Что-то изменилось в их устоявшемся и упорядоченном мире, таком спокойном и ритмичном, ежедневном и рутинном.

При таком ветре круг света описывал всевозможные ри-

сунки, часто заглядывая в эту хижину через каким-то чудом уцелевшее стекло. Он скакал по колченогому табурету, прыгал с полки на пол и обратно, играя с посетителями в прятки. А иволга наблюдала за происходящим, успокаиваясь и засыпая. Но сегодня все было не так: домик дрожал, а иногда и гудел тихим стоном, расползались половицы. Ежик, нашедший приют под полом, недовольно зафыркал, заработав короткими лапками, начал глубже зарываться в супесь.

Деревья в распадке начали переговариваться между собой,

слегка касаясь листочками. Шумел камыш. По воде озера пробежала рябь, разгоняя припозднившихся водомеров.

CHAPTER II

В последнее время моя жизнь стала похожа на сериал, в котором я не участник, а зритель. Приходишь домой, включаешь телевизор, варишь пельмешки и уплетаешь за обе щеки, изредка прерываясь на переключение каналов «лентяйкой». И все. А вечером перед самым сном начинают идти титры, в них упоминаются актеры и персонажи, игравшие как большие, так и малые роли в сегодняшней серии. Единственное: никогда не пишут сценариста, и ты думаешь: кто же написал сценарий, с чьей легкой руки все вокруг меня происходит?

Отрабатываю незамысловатую нерутинную смену. Да, я не стою у станка, не кручу деталюшки, а занимаюсь системным обеспечением, как говорила моя бабушка: «За ЭВМ – будущее». Вы, наверное, не знаете, что это за аббревиатура? ЭВМ – электронно-вычислительная машина. Звучит как старинное название калькулятора. Была когда-то давно сильная и могучая страна, с четкой идеологией, направлением и, главное, смыслом, звали ее СССР. Что, снова незнакомая аббревиатура? Ну, в этом вам Гугл в помощь. Сейчас бы подошел смеющийся со слезами на глазах смайлик. Так вот, эта страна могла, на мой взгляд, все. Нужно было лететь в космос – полетели, поднять целину – подняли. Думаете, сейчас что-то грандиозное строят с нуля? Этого нет. В свое время,

так называемые капиталисты – люди, оказавшиеся в нужное время в нужном месте, «заграбастали» народные завод, фабрику и выстрадавшее всеобщим отказом и верой в будущее производство. Странно звучит? Нет. Ведь его строили мои дедушка с бабушкой, мои родители, а также все люди этой огромной сильной страны, вкладывая средства, отказываясь от благ, ради будущих поколений. Сильная страна с сильной экономикой. А капиталист ничего не строил, получив все путем грабежа. Хотя звучало это по-другому

– капитализация. Сейчас бы подошел смайлик со злой красной мордашкой. Вы хотите спросить, почему развалилась такая сильная страна? Не поверите, но нашей стране, как бы она не называлась,

очень часто не везло с правителями, но и в этом еще не суть – предательство. Его было много, очень много. Причем в основном от верхов, элит, воспитанных и выращенных этой же страной, но так и не возмужавших.

Выхожу с работы, хлопнув Петю по плечу и пожав ему руку на прощание, одеваю наушники, погружаясь в свой аквариум, наблюдаю за движением вокруг: в электричке, в магазине, на остановке, в спортивном зале. Смотрю сериал. Без чувств и эмоций. Просто кино.

По улице пробегают статисты. Почему статисты? А вы запоминаете в фильме актера заднего плана, который во время рассуждений главного героя невероятно крутого блокбастера о спасении мира, концептуально положил папку на стол?

Или актера, великолепно трясшего головой во время рассуждений главного героя, соглашаясь с ним. И вы, увидев великолепную игру, кинулись к любому источнику информации, чтобы найти этого статиста и узнать о нем больше. Нет, он для вас лишь мебель, антураж, вы не запомните его лицо, походку, мимику, не говоря уже о цвете глаз или татуировке. На самом деле за каждым статистом найдется судьба, жизни, мечты, обиды, разочарование, любовь, вера в чудо. Да мы все эгоистичны. И да, не прав был Галилео Галилей с его великой фразой «все-таки она вертится», ведь земля крутится вокруг нас.

Идя по дороге домой, вижу, как мужчине стало плохо, вокруг собралась толпа зевак. Почему она собралась? Наверное, они очень переживают за судьбу этого человека и всем своим состоянием хотят ему помочь, придут по первому зову, чтобы сменить женщину, уставшую делать непрямой массаж сердца. Надеюсь, понятно, что это сарказм. Толпа собралась потому, что это тоже сериал, новая серия, с новым поворотом событий, новая часть картины, разворачивающаяся прямо перед глазами. Самое интересное в другом: многие из них автомобилисты, получившие водительские удостоверения, соответственно, давшие обязательство оказывать первую медицинскую помощь, скажу больше, всех рабочих обучают азам оказания первой помощи. Но

все только зрители, которым не хватает попкорна:

– Какой хотите: сладкий или соленый?

– Хм, даже не знаю, а какой будешь ты, дорогая? Мы возьмем сладкий.

– Большой или маленький?

– А какой будет сюжет: долгий или короткий?

– Наверное, короткий, скорая помощь уже едет.

– Тогда маленький стаканчик...

Здесь подошел бы озадаченный смайлик...

Многие, как и я, проходят мимо, как будто нас это не касается. Мы привыкли спокойно реагировать на кровь и насилие в нашем ежедневном сериале, до того момента пока это не коснулось нас самих, пока это не пришло к нам во двор или на лужайку возле дома. Вот тогда начинаем биться в истерике:

– Как так? Меня? Божка обидели!!!

Потом начинаем бегать по инстанциям, сотрясая воздух, крича «благим китом», выбросившимся на берег. Вспоминаем, зачем все они тут сидят, давим на клятвы Гиппократата, на всевозможные законы и спрашиваем для чего они, если все равно не работают. Ведь законы должны работать, когда нам выгодно, а если нет, то это сразу чиновничий произвол, «менты» – «казлы», повязавшие бедного мальчика. А этот бедный несовершеннолетний мальчик воровал сумки у бабушек, выхватывая их из ослабевших от старости рук. Давным-давно один человек сказал очень интересную фразу:

«Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, спрашивайте, что вы можете сделать для своей страны».

Звали его Джон Фицджеральд Кеннеди.

В обучении скрыта главная проблема. В школах нас учат не консолидации вокруг какой-то проблемы, работе сообща и на- правленно, нас учат конкуренции, индивидуализму, воспитывая настоящие лидерские качества. Забывая о нашей ментальности: для нас лидер – это тот, кто в картине Репина «Бурлаки на Волге»,

идя в первом ряду, тащит больше всех, а не тот, кто, сидя на корме баржи, показывает куда ехать. Здесь подошел бы расстроенный смайлик с глазками, смотрящими чуть в сторону.

ИНТЕРЛЮДИЯ II

Но вот закончилась ночь. Птенцы начали копошиться в гнезде, мать, выпорхнув из комнатки, полетела искать пищу для ненасытных утроб. Птенцы, почувствовав отсутствие матери, закрыли маленькие клювики, успокоив свой зоб, нахохлились и стали ждать ее, утопив свои шейки.

Ежик, мучимый бессонницей, проходя через комнатку, поднял облако пыли, маленькие песчинки которой, переливаясь на солнце, не опадали на пол, а как бы кружились и танцевали в лучах солнечного света. Частички были принесены сюда сотнями ветров, дувших, то в одну, то в другую сторону. В этом лабиринте из песка и пыли скакали солнечные зайчики, отражаемые от предметов быта, некогда оставленных здесь.

На смену иволге прилетела воспитанная летучая мышь, которая занимала отведенное специально для нее место, не нарушая установленный порядок. Вообще здесь было чисто: ни птичьего помета, ни старого полусгнившего хлама. Время остановилось, как будто хозяин только что вышедший за дверь, вот-вот должен вернуться за случайно забытой безделушкой, наподобие ключей или мобильного телефона.

Сегодня стояла хорошая солнечная погода. Ветер, застрявший в кронах деревьев, совсем не беспокоил, а наоборот, приносил приятную прохладу, плавно скользя по изги-

бам тела.

Травы жадно впиваются в остатки брошенного хозяйства, но не для того, чтобы погубить, а чтобы сберечь для нового хозяина. Уже не видно дорожек, некогда натоптанных множеством посетителей и работников полустанка. Лишь очертанье полуовала в траве говорит о том, что здесь когда-то кто-то ходил. Но им надоела эта дорога, и они выбрали другую.

Давным-давно перед входом в служебное помещение чьи-то трудолюбивыми руками была разбита клумба, аккуратно

обрамленная по краям диким камнем и засаженная культурными растениями. Но, либо, не выдержав конкуренции, либо сорванные услужливыми руками, цветы пропали, а на их месте хозяйничал большой сильный, колючий, словно дикобраз, чертополох. Он распустил ветки и кроны, загнав всех остальных в тень своих крупных и ужасно колючих листьев.

CHAPTER III

Придя домой, здесь смайлик с капелькой пота на лбу, ужинаю наспех приготовленной холостяцкой пищей. Почему холостяцкой? Я до сих пор живу бобылём, хотя мама почти каждый вечер мучает меня вопросом: «Когда женишься, заведешь семью? Хочу внуков». Не знаю. Могу сказать только одно: моя жизнь – это аквариум, в котором я – рыбка, незамысловатая, обыкновенная, даже не золотая, а просто рыбка, и тем более, не бойцовская. Та рыбка, у которой изо дня в день ничего не происходит, меняется только режим сна и бодрствования. Нет, у меня все нормально с ориентацией, есть постоянная подруга. Вы спросите: «Где же тут счастье»? Отвечу по-еврейски: «А вы знаете, что такое счастье»? Раньше, в старину, при рождении ребенка, приходили соседи и родственники, чтобы поздравить, они обязательно приносили каравай хлеба, не тот, который пекут сейчас, а такой, когда умелые руки несколько часов усердно, с любовью мяти тесто, чтобы не пропустить ни одного комочка, вкладывая в эту краюху любовь. От запаха свежего хлеба просыпались все: от мала до велика. Глава семейства разламывал на части этот дурмящий запахом хлеб, от которого текли слюнки, и чувствовалась теплота и любовь. Так вот одна из частей доставалась новорожденному, т.е. он был «с частью» – счастьем. Вот что обозначало слово «сча-

стве», оно заключалось в небольшой части хлеба.

Времена шли, отношения менялись. Начинались проблемы между родителями и детьми, которые не хотели быть частью общего и пытались строить свое отдельное счастье, растаскивая краюху хлеба по углам и весям. И счастье с каждым разом становилось все сложнее и замысловатей, оно перестало восприниматься как покой души, когда ты стал частью этого круглого, теплого, дурманящего

своим запахом, с не забываемым вкусом детства, каравая, частью этого мира.

Вечером должна прийти подруга. Я не предлагаю ей съехаться. Зачем? Ведь сейчас можно быть так называемым «чайлдфри», язык сломаешь, выговаривая. Наш бедный русский язык, имеющий много заимствований, просто требует введения новых слов. И самое главное: заменим лексическое значение, подменим одно понятие другим. Как это происходило в Европе со словом «толерантность». Все начиналось очень просто: под лозунгом равноправия обычных детей и детей-инвалидов. Нужно быть толерантными по отношению к последним. Ты же не против детей-инвалидов? Конечно, нет. Только все забыли, что это особенные дети, требующие большого ухода, соответственно, и развитие их должно отличаться. А дальше еще интереснее крутится маховик (потом расскажу, что такое

«маховик»), под это слово стали заводить уже другие понятия, такие как терпимость с равноправием, к примеру, ес-

ли гомосексуалист на всю улицу кричит о своей ориентации, целуясь при всех с другим гомосексуалистом, я должен быть к этому толерантен, а он по отношению ко мне, целующимся с девушкой. Я никогда не понимал: почему человека, утверждающего, что он Ленин или марсианин, сажают в психбольницу на принудительное лечение, а мужчину, вообразившего себя женщиной и наоборот, нужно уважать. Скажу вам так: «толерантность» как понятие пришло из медицины, и обозначает отказ организма от борьбы, т.е. организм больного стал толерантным по отношению к вирусу. Подождите еще и насильники выйдут на улицы бороться за свои права, за право насиловать, а педофилы – за право растлевать несовершеннолетних. Каждый борец за права человека считает себя либералом. Вы, наверное, хотите спросить: «Кто такой либерал с обывательской точки зрения»? Можно сказать проще: тот, кто против всех. Так сказать, человек, выступающий за диктатуру меньшинства, причем неважно какого.

Если предположить, что людей, преступивших закон, поймали и вынесли справедливое наказание, отстранив от нормального общества, как думаете, кого в конечном итоге наказали: преступника? С позиции либерала наказывать нужно вас, ведь преступник – жертва, которой нужно обеспечить нормальные

условия жизни, чтобы он вернулся в общество подготовленным человеком, а ты, которого насилуют, убивали

и грабили, будь добр оплати содержание этого недочеловека. Все забывают о том, что он должен вернуть долг обществу, после чего общество, возможно, примет его обратно, а наказание должно заключаться в страхе стать изгоем, именно страх наказания и должен стимулировать не идти на преступление. Мы отринули воспитание обществом, модой, религией, родителями и получили из общества долга – общество права. Я родился и, следовательно, уже имею право, нет необходимости его заслуживать.

Прибравшись в комнате, поменяв постельное белье, собрав нехитрую закуску на стол и открыв вино, стал ждать свою гостью, слушая музыку и глядя в окно. Ждать. Не люблю ждать. В армии, во время ожидания, чтобы избежать волнения, садились набивать патронами рожки или чистили оружие до блеска. А сейчас? Нет, я не волнуюсь. Вспоминаю того мужчину на асфальте с широко раскинутыми руками и выбивающуюся из сил реанимировавшую его женщину. Однажды, в срочке, нас послали прочесывать поле на предмет поиска расчлененных тел, мы шли небольшой цепью, а жители верхних этажей близлежащих домов с сигаретой в зубах, вперемешку между обсуждениями последнего матча и особенностей ремонта жигулей первой модели, подсказывали, где лежат человеческие части. Выглядело все это буднично и обыденно. Я тогда удивлялся: откуда такое безразличие? Неужели они не получили свою краюху каравая? Эти люди были просто зрителями, смотревшими новую те-

телепередачу – интерактивное шоу. Здесь бы подошел смайлик чертика со злой ухмылкой.

Винсент Ван Гог как-то сказал, что нормальность – это асфальтированная дорога: по ней удобно идти, но цветы на ней не растут. Мне кажется, он был не прав. Ведь нормальность с каждым годом становилась жестче, злее и яростнее. А цветы растут вдоль обочины, если ты повернешь голову и помотришь по сторонам.

Все, на сегодня хватит этих мыслей. Сегодня она останется у меня ночевать. Ночь любви и ласки. Сегодня я хочу надломить каравай хлеба и стать частью. Здесь подошел бы смайлик с сердечками вместо глаз.

Да, кстати, я обещал рассказать про маховик и его принадлежность. Но позволю себе маленькую лень и попрошу вас самих найти определение в интернете. Но напоследок скажу, откуда взялось слово «дура». Есть много гипотез, но одна мне очень нравится. Раньше, в старину, глашатай, выйдя на лобное место (сейчас смайлик с удивленными глазами, да, дорогой читатель, это название не от этой странной телепередачи пошло), кричал: «Дура, дура, дура», – созывая всех. Это слово в переводе с латыни означает «закон».

ИНТЕРЛЮДИЯ III

День прошел удачно. Конец лета всегда богат на семена, плоды и откормленных насекомых. Пьянящий аромат полевых цветов вместе с вечерней прохладой заходит в этот маленький полустанок. На небо вышла хозяйка луна, осветив своим призрачным светом через чудом уцелевшее окно комнату. На небосклоне стали загораться одна за другой звезды, подмигивая ночным обитателям своим фосфоресцирующим светом. Такие ночи могут быть только в августе, когда ночь тягучим темным киселем втекает в окна и двери. Не слышно шума ветра, только ёжик, вернувшийся со своего вечернего променада начал укладываться спать и, наверняка, как каждую ночь до этого, будет считать овец, прыгающих через ограду, чтобы уснуть.

Летучая мышь, расправив свои перепончатые крылья, разогревала тело и готовилась к первому за сегодня полету. Она голодна, но в силу воспитанности не может показывать всем свой голод. Но вот, вспорхнув, она вылетела на ночную охоту. Август полностью вступил в свои права.

Иволга, уложив своих птенцов, начала суетиться над гнездом, аккуратно и тихо поправляя его. Вот веточка вышла из сцепления с другой, вот птенцы, почти сбросив свой детский пушок в дневных играх, испачкали гнездышко, и нужно было срочно перед сном прибраться. После чистки перьев

и подготовки ко сну, проверив все ли хорошо у малышей, которые уже почти с нее размером, легла спать. Ведь завтра будет сложный день, завтра она будет ставить их на крыло.

А ночь вошла в их комнатку, принеся с собой покой. Немного не обычный: не слышно было равномерного гудения зажжённой лампы. Тихо. Закончился суматошный день. Но вот, ёжик, переваливаясь с боку на бок, во сне зафыркал и стал поддергивать ножками: мелко и суетливо. Ему снилось, что он бежит по полю, и травы, щекочущие ему бока, препятствуют движению. А лопух и подорожник застревают у него в колючках, оставляя на теле семя.

СОН ПЕРЕД ПОЕЗДКОЙ

Удар колокола. Птицы черными кляксами на фоне белогоголубого неба понеслись прочь. Старая церквушка затряслась от звонких ударов, осыпав штукатуркой землю вокруг и сотрясаясь от пронзительного утробного звука. Часовенка была в набат, прося и взывая к своим давно забытым прихожанам.

Покосившаяся крыша из деревянной дранки осыпала трухой колокол. А он продолжал бить свою замысловатую мелодию, заставляя слушать. Как будто вместе с ударом звучал голос:

«Слушайте! Слушайте и не говорите, что не слышали».

Волны, облизав старое здание, отошли от его стен, забрав с собой остатки былой храбрости и силы, которая микрометр за микрометром подтачивала кирпичную стену, склеенную раствором из природных компонентов. Но собрав последние силы, волна на последнем издыхании ударила в двери, сорвав их с петель и поставив жирную точку в противостоянии. Заскрипев ключиной, дверь упала во внутренний дворик, заросший бурьяном и чертополохом.

Старый плющ, охватив остаток двери, сорвался с изгнивших от времени досок, и повис на своем стрекательном жгутике, зацепившись за закладную арки входной двери, словно одним пальчиком, ища спасение от неминуемого паде-

ния и погребения под грудой досок. Мураши, заметавшись по доскам, начали спасать кладку и перетаскивать остатки личинок вверх по плющу.

А колокол бил, стряхивая налет времени, и ломая, давно сгнившие доски, прося немедленной замены на новые, плохо обработанные, но с одурманивающим запахом свежего дерева.

Перекрытия часовенки, покосившиеся от усталостного напряжения выпрямились, потянув за собой фундамент из лопнувших каменных балок и расправив крышу, распугав бесстрашных ворон. Остатки штукатурки сыпались со стен, обнажив плоть – красный кирпич, испещрённый трещинами-венами.

А колокол все ударял и ударял, ускоряясь и ускоряясь, догоняя до 60 ударов в минуту.

CHAPTER IV

«Внимание...», – звучало из динамика на вокзале.

«Внимание,...», – почему всегда слышно только это слово? А какой поезд и перрон никогда? Да, я на вокзале. Куда собрался? Туда, где закончилось мое босоногое детство. Почему закончилось? Наша семья беглецы из Таджикистана. От чего мы бежали? От войны и того, что там творилось. Я русский по национальности, по вере, по складу мышления, по всему, что меня делает русским. Мой отец был кадровым военным, когда начал разваливаться СССР, между многими некогда родными и дружественными нам народами начались давно уснувшие распри. Все сразу ополчились на людей иной национальности, хотя русские построили им города, заводы, подняли с феодального строя, выучили детей. В это время в Таджикистане началась делёжка власти между «юрчиками» и

«вовчиками». Оба боролись за власть и возбуждали национальное самосознание. Начались погромы: таджики под эту лавочку резали, насиловали и грабили всех, возрождая исламскую веру, точнее выдавая за нее. В тот вечер отец пришел домой возбужденный, сказав матери готовиться к отъезду, пошел к сейфу, где хранилось оружие и начал набивать магазины под два карабина СКС самозарядный карабин

Симонова: себе и моему старшему брату. Ночью они пришли. С криками: «Русский, ..., выходы, мы тебя немного резать будем», – не очень вежливо постучали в дверь. Отец на эту реплику ответил выстрелом. Завязалась перестрелка со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде разбитых окон, дырок в стене, моих всхлипов от страха, попыткой зажать уши маленькими ручками, испуганный плач мамы, прижимавшей меня к себе, злые бранные слова отца и брата, повторные выстрелы, канонада залпов и снова

выстрелы. В ходе перестрелки старшему брату глупо и совершенно случайно рикошетом попали в бедро, перебив артерию. Скорая помощь долго не ехала. Бандитов с помощью соседей получилось прогнать. А скорая все не ехала. Олег угасал на глазах, его кожные покровы становились бледными, на измученном лице появились капельки пота. Лужа крови под ним становилась все больше, отец прижимал рану руками, натягивая жгут, мама сквозь слезы рвала простыню на лоскутки для перевязок. А я все сильнее зажимался в угол, образованный шкафом и стеной, и смотрел, как расплзается кровавое пятно, захватывая сантиметр за сантиметром, вот с доски оно подошло к ковру, вот минуло очередное препятствие в виде порога. А я все сильнее прижимаю руки к ушам не в силах отвести взгляд, безумный, испуганный и затравленный. Скорая так и не приехала. Потом мы узнали, что машина спешила нам на помощь, но ее перехватили вакхабиты и сожгли, обезглавив фельдшера таджика

и изнасиловав, а потом, убив, врача неотложной помощи – немку. Это все рассказал водитель, чудом выживший, когда в него попала пуля. Он был обездвижен от болевого шока, да и чем бы он помог? Весь город пылал как по национальностям, так и в огне.

Вообще такое происходило во всех бывших республиках: Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан, Грузия, Армения. Первыми очнулись в Казахстане, когда побежали русские, начали вставать нефтеперерабатывающий комплекс и металлургические заводы. Поэтому, если посмотреть на карту населенности, то можно увидеть, что север занят преимущественно русскими, там развита промышленность, а на юге, там, где степь, пасут коней и пьют кумыс живут этнические казахи. Отец потом как-то созванивался с друзьями-таджиками, оставшимися там, которые рассказывали, как встал алюминиевый завод, остановилась ГЭС, начались перебои с электричеством, как они выбегали из вагона трамвая, чтобы протолкать его до следующей электрической пары, так как эта не работала и многое другое. Как из дальних кишлаков приехали люди, продолжавшие терроризировать и грабить то, что не успели их предшественники. Как думаете, где эти гордые и независимые ваккхабиты? Они давно уже здесь в России, работают рядом с вами на стройке или подметают улицу, но это те же самые, которые тогда резали и грабили русских. Я не говорю, что все они плохие, конечно нет, но прощать и забывать такое нельзя.

Ну, вот вагон и тронулся. Мне всегда нравился вокзал. Тут своя атмосфера, запахи сгоревшего кислорода от электропоезда, навсегда въевшиеся во все, что как-то связано с вокзалом. Раньше мы с родителями часто ездили на поезде, и когда он трогался, мне всегда казалось, что едет перрон, мелькая разными огнями, а вагон стоит на месте, здесь бы подошел смайлик с очень большой улыбкой.

Об этом я говорил отцу. Он, улыбнувшись, задавал один и тот же вопрос:

– Знаешь, почему колеса у поезда стучат?

А я, зная ответ наперед, спрашивал с иронией в голосе: «Почему»?

– Потому что колеса квадратные.

И я заливался смехом, тем самым, которым могут смеяться только дети, искренним и жизнерадостным, а отец, глядя на меня, тоже начинал улыбаться, а затем и смеяться без нотки фальши.

Мне всегда нравилось в вагоне пить чай из стакана в подстаканнике. Чтобы обязательно с лимоном и сладкий. Кайф.

А в поезде попадают новые попутчики, которым можно рассказывать только что выдуманную о себе сказку. Например, что ты из бывшего знатного и некогда очень богатого, но обнищавшего рода. Можно рассказать, что едешь на симпозиум по разведению кузнечиков в неволе. И прочее и прочее. Самое интересное, что многие тоже начинают поддерживать твою игру, рассказывая свою «невдуманную» ис-

торию. Иногда трагичную, а иногда лирическую. Но самое главное: из жизни. Здесь подошел бы смайлик, смеющийся в ладошку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.